

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Эмпиризм Томаса Гоббса. Идеи
Джона Локка

Историки философии часто противопоставляют британскую и континентальную философию в XVII и XVIII веках. Континентальные мыслители были рационалистами, доверявшими рассуждениям разума, а британцы – эмпириками, основывавшими знания на опыте чувств.

Так ставит вопрос английский историк философии Энтони Кенни. И мы продолжаем знакомиться с этим предметом в период Нового времени.

Для того, чтобы оценить реальную степень различия между британской и континентальной эпистемологией, следует более внимательно посмотреть на учение Гоббса, который справедливо претендует на роль основоположника британского эмпиризма.

«Левиафан» Томаса Гоббса начинается с главы «О чувствах» и предлагает громкий манифест: «В сознании человека нет такого понятия, которое не было бы рождено сначала, полностью или по частям, на органах чувств. Остальные являются производными от этого оригинала». Другие операции ума, такие как память, воображение и рассуждение, полностью зависят от ощущения. Воображение и память – это одно и то же, а именно разлагающийся смысл.

Как на большом расстоянии от места, на которое мы смотрим, кажется, размытым, без возможности различения мелких деталей, как голоса становятся слабыми и приглушенными, так ещё при прохождении немалого времени, наши воспоминания о прошлом слабеют, и мы теряем образы и воспоминания о действиях, многие конкретные обстоятельства.

Рассуждение, говорит Гоббс, есть не что иное, как расчёт последствий общих имён, согласованных для обозначения и осмысления наших мыслей. И мысли всегда являются для него мысленными образами (именами или вещами), производными от ощущения. «Каждый из них является представлением или проявлением какого-то качества. Или другой случайностью тела без нас».

Согласно Гоббсу, существуют два вида знаний: знание факта и знание следствия. Знание следствия – это знание того, что следует из того, что знание, которое поддерживает порядок в постоянной последовательности или движении наших мыслей. Оно выражается в языке условными законами, в форме «если А, то Б». Знание факта – знание, которое мы требуем от свидетеля, даётся смыслом и памятью. Простое размышление или рассуждение никогда не может закончиться абсолютным знанием факта, прошлого или будущего.

По словам Гоббса, в ощущениях действительно есть активный элемент. Однако речь идёт не о том, чтобы проводить различие между подлинными качествами в реальном мире, а скорее о том, чтобы проектировать на предметы мира, которые являются иллюзорными фантазиями.

«Причиной ощущения является внешнее тело (объект), который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно (как при вкусе и осязании) или опосредованно (как при зрении, слухе, обонянии). Это давление, продолженное внутрь посредством нервов до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, то оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это кажущееся или этот призрак люди называют ощущением».

Удовольствие – это проявление движения в сердце. Таким образом, психика – это тень реальных материальных процессов, она – эпифеномен. Вывод является результатом механистического понимания соотношения психики и мозга в духе параллелизма. Вся психику Гоббс сводит к образам. Начало всех представлений – ощущение. Представление воображения – это ослабленные ощущения. Память – тоже представление, когда мы хотим обозначить, что оно отошло в прошлое. Понимание – это образ, который возникает под влиянием слова. Мышление – течение образов, связь представлений в соответствии с правилом ассоциаций.

Изложение ощущений у Гоббса-эмпирика оказывается точно таким же, как у рационалиста Декарта. Для них обоих такие качества, как цвет и вкус, являются не более чем обманчивым опытом, предметами личного сознания: «фантазии» для Гоббса, «*cogitationes*» для Декарта. Гоббс использует аргументы, подобные аргументам Декарта, чтобы убедить субъективность таких вторичных качеств: мы видим цвета в отражениях, удар по глазу заставляет нас видеть звезды и так далее. Для Гоббса, как и для Декарта, нет внутренней разницы между нашим чувственным опытом, нашими мысленными образами и нашими мечтами. Как Декарт утверждал, что он может быть уверен в содержании своих мыслей, даже если у него нет тела и нет внешнего мира, так и Гоббс утверждает, что все наши образы останутся прежними, даже если мир будет уничтожен.

Гоббс отличается от Декарта тем, что не проводит серьезных различий между воображением

и интеллектом. Если интеллект – это, грубо говоря, способность использовать и понимать язык, то это совсем не поток образов в сознании. Декарт ясно показал разницу между интеллектом и воображением в ярком отрывке шестого «Размышления»: «Дабы полностью прояснить это, я прежде всего исследую различие, имеющееся между воображением и чистым пониманием. Когда я воображаю треугольник, я не только понимаю, что он представляет собой фигуру, ограниченную тремя линиями, но одновременно острие моей мысли проникает в эти линии, как если бы они были передо мной. И именно это я определяю словом «воображать». В самом деле, если бы я хотел помыслить тысячеугольник, я с таким же успехом понимал бы, что это фигура, имеющая три стороны. Однако я не могу столь же ясно представить себе эту тысячу сторон или всмотреться в них как в присутствующие. И хотя в этом случае вследствие привычки всегда что-либо воображать я всякий раз, как мыслю телесную вещь, быть может, и представляю себе смутно какую-нибудь фигуру, однако ясно, что фигура эта – не тысячеугольник, ибо она ничем не отличается от той, которую бы я воображал, если бы мыслил десяти тысячеугольник или какую-то другую многостороннюю фигуру. При этом ни что не способствует различению тех особенностей, кои отличают тысячеугольник от других многоугольников. Однако если речь идет о пятиугольнике, я могу мыслить его форму, подобно форме тысячеугольника, без помощи воображения. Но я могу и вообразить себе этот пятиугольник, если обращаю свою мысль к пяти его сторонам и одновременно к ограниченной этими сторонами площади. При этом я замечаю, что для воображения мне требуется некое особое напряжение духа, не требующееся, когда речь идёт о понимании. Это дополнительное напряжение духа показывает мне различие между воображением и чистым пониманием».

Гоббс нигде не делает подобного различия и систематически идентифицирует ум с тем, что Декарт называет воображением. Гоббс действительно осознавал роль языка в интеллектуальной деятельности и считал владение им главной привилегией, ставящей человечество выше других животных.

В результате ощущений в уме возникают представления. Представления – это угасшие ощущения, которые производят некоторый отпечаток в душе, который может некоторое время сохраняться, постепенно теряя свою яркость и отчетливость. Но бесследно ощущение не исчезает. Такая способность сознания как память может эти представления отделять, усиливать, что достигается с тем большим трудом, чем больше времени проходит от того момента, когда ощущение было получено.

Тем не менее все ощущения хранятся в памяти и могут быть отделены друг от друга и усилены. Эти представления рассудок начинает сопоставлять и сравнивать, что является собой рассудочную деятельность, протекающую в виде мысленной речи. Поэтому для познания, по Гоббсу, очень важна роль слов.

Для исследования роли слов Гоббс предварительно изучает теорию знаков вообще. Знак, по Гоббсу, это то, что нечто обозначает, то есть некий материальный предмет. В качестве знака мы можем выбрать любой предмет, который будет нам напоминать и обозначать другой предмет. Гоббс приводит пример тучи, которая есть знак дождя. Или наоборот: дождь есть знак тучи. Поэтому знак, по Гоббсу, всегда материален, и мы всегда познаем его посредством ощущений.

Один их видов знаков – слово. Слова являются для памяти знаками, при помощи которых она может вспомнить о представлениях, ещё не совсем угасших, и оперировать ими при помощи слов-знаков, обозначающих те ощущения, которые возникли от воздействия предметов на органы чувств. Этот язык, при помощи которого человек мыслит и общается (а общение также является одной из главных функций языка – знаковой системы), существует для экономии мышления (мыслить при помощи языка и слов, то есть при помощи знаков и связей между ними, гораздо удобнее, чем без них), а также для удобства. То, что выбираются именно такие знаки, а не другие, достигается посредством взаимоотношения между людьми.

Гоббс признаёт, что язык вырабатывается на основе конвенции (соглашения). Таким образом, он разрабатывает теорию конвенционализма: слова и вообще язык – это результат соглашения между людьми, он не имеет самостоятельного существования. Язык и слова являются знаковой системой, а эта система появляется в результате того, что люди на определённом этапе согласились употреблять именно такие слова, а не другие. Никакой онтологической роли, оправдывающей их самостоятельное существование, у слов нет.

Здесь вновь проявляется то влияние, которое оказала на Гоббса математика, поскольку

именно в математике критерием истинности является логичность и непротиворечивость ее высказываний. Соответствуют или не соответствуют математические высказывания материальной действительности – для математика это не имеет смысла. Поэтому в любой теории все положения должны быть связаны логическими законами, а все высказывания должны быть выведены одно из другого.

Такая теория истины впоследствии получит название когерентной теории истины, когда критерием истинности является непротиворечивость высказывания, а не соответствие высказывания материальному предмету. Классическую концепцию истины, как соответствие высказывания или мысли реальному предмету, высказал еще Аристотель («истинным является высказывание, которое соответствует действительному положению вещей в материальном или духовном мире»).

Согласно Гоббсу, в мире существуют единичные тела, и ничего, кроме них, не существует. Гоббс является последовательным номиналистом, ибо обобщение, слово или понятие возникает только в качестве знака. Всякое всеобщее имя или слово как таковое не существует – оно существует только как знак в нашем уме. Имена, по Гоббсу, бывают разные: имя первой интенции (имя, обозначающее реальный предмет) и имя второй интенции (что мы называем понятием, которое есть знак знака). Как правило, мы оперируем в нашем сознании именами второй интенции.

Энтони Кенни признаётся, что эмпиризм не часто защищают в той грубой и жёсткой форме, в которой его выдвигает Гоббс, поэтому пора обратиться к более известному и в общем плане более популярному представлению Джона Локка. Локк и Декарт часто противопоставляются как основные показатели двух разных философских школ, но на самом деле они разделяют ряд общих предположений. Локк основывает свою систему на «идеях». И его «идеи» оказываются очень похожими на «мысли» Декарта. Оба философа сначала обращаются к непосредственному сознанию: идеи и мысли – это то, что мы видим, когда смотрим внутрь себя. Оба философа не могут прояснить фатальную двусмысленность в своих ключевых терминах, и это калечит их эпистемологию и философию разума.

У Локка, например, часто трудно сказать, подразумевается ли под «идеями» объект (то, что воспринимается или то, о чем думают) или действие (акт восприятия или мышления). Локк говорит, что идея – это «что угодно, что ум может использовать в мышлении». Ключевая двусмысленность заключается во фразе «то, над чем работает ум», которая может означать либо то, о чём думает ум (объект), либо то, чем занимается ум (действие). Двусмысленность наносит ущерб, когда Локк рассматривает такие вопросы, как является ли зелень объектом в мире или творением ума. Хотя Локк часто не согласен с Декартом, он заимствует большую часть своей философской программы у Декарта и задает многие из тех же вопросов. Являются ли животные машинами? Всегда ли душа думает? Может ли быть пространство без материи? Есть ли врождённые идеи?

Этот последний вопрос часто воспринимается как решающий. Ответ философа показывает, рационалист он или эмпирик. Но, согласитесь, и вопрос не из простых. Если мы разобьём его на разные значения, которые он может иметь, мы обнаружим, что между позициями Локка и Декарта нет большой пропасти.

Локк фокусируется не на общей способности понимания, а на согласии с определёнными конкретными предложениями, например, «один и два равны трём» и «невозможно, чтобы одно и то же было и не было». Зависит ли наше согласие с такими истинами от опыта? Нет, говорит Декарт, это врождённые принципы, которые мы признаем. Но Локк не думает, что они зависят от опыта. Он утверждает, что опыт необходим, чтобы предоставить нам концепции, которые составляют пропозиции, а не для того, чтобы обеспечить наше согласие на них после их формирования. «Люди, однажды поняв слова, никогда не перестают принимать их за несомненные истины». Декарт, с другой стороны, не утверждает, что все врождённые идеи являются принципами, одобренными, как только они будут поняты. Некоторые из них становятся ясными и отчетливыми, а некоторые – утверждёнными только после кропотливого размышления.

Локк посвящает большую часть своего отношения к врождённым идеям вопросу о том, существуют ли какие-либо принципы, будь то теоретические или практические, которые требуют всеобщего согласия. Он отрицает существование каких-либо теоретических принципов,

которыми руководствуются все люди, включая детей и дикарей. Обращаясь к практическим принципам, он с удовольствием приводит примеры нарушений в различных культурах нравственных принципов, которые кажутся основополагающими для всех цивилизованных христиан, включая самые основные: «родители хранят и берегут своих детей». Даже если бы существовали общепризнанные истины, этого было бы недостаточно для доказательства врождённости, поскольку объяснение может быть общим процессом обучения.

В «Опыте о человеческом разуме» Джон Локк определил свою философскую задачу так: выяснить, откуда происходит человеческое знание, насколько оно достоверно и где его границы. Это характерно для философии Нового времени вообще и в особенности для британской философской традиции – философия не про то, что есть в мире и как оно есть, а про то, как «снаряжен» человек, чтобы знать, что есть и как есть.

Локк скептически относился к идее, что представление об окружающем мире можно составить на основании одного только разума. Джон Локк уверен, что знание о мире может быть достигнуто только с помощью чувственного опыта и последующего размышления по поводу этого опыта. В этом смысле английский мыслитель явный эмпирик.

Но чувственный опыт – это еще не знание. Скорее, он – материал для будущего знания. С этим материалом что-то надо делать, как-то преобразовать его, чтобы получилось достоверное знание. Простые идеи внутреннего и внешнего опыта комбинируются, складываются в разных сочетаниях и получаются идеи сложные.

Локк – философ здравого смысла. Он одинаково далёк и от мысли, что мы можем познать в мире всё, и от мысли, что мы не можем познать ничего. Наше знание достаточно, чтобы мы могли устраивать нашу жизнь в этом мире наилучшим образом.